

Сун Чжэнь говорил, что утро действительно раннее, и это было правдой. Академия Красного Клена славится строгой дисциплиной и усердием в обучении, занятия там начинаются на рассвете, а летом, когда светает раньше, уроки начинаются ещё раньше. Хотя после выходных учеников не обязывали возвращаться в академию заранее, утренние занятия всё равно не переносились, поэтому студентам приходилось добираться до академии до рассвета.

Небо всё ещё было тёмным, и маленький Сун Чжэнь не хотел беспокоить Минда, чтобы она везла его так рано. Он говорил искренне, и Минда это чувствовала, мягко погладив его по голове:

— Это не проблема. Я мало времени провела с тобой в последние дни, так что сегодня утром я сама отвезу тебя.

Сун Чжэнь ощутил редкую нежность матери и не обратил внимания на скрытый смысл её слов. Не заботясь о том, что его аккуратно причёсанные волосы могут растрепаться, он прижался к её ладони и мягко сказал:

— У мамы свои дела. Я понимаю, что ты не можешь быть только со мной. Тебе не нужно об этом беспокоиться.

Ребёнок был настолько послушным и понимающим, что это тронуло Минда до глубины души. Она почувствовала лёгкое чувство вины — в последние дни она не была занята, просто её мысли были в смятении, и она забыла о нём. А причиной её смятения был всего лишь маленький травяной кузнечик.

Помолчав, Минда взяла Сун Чжэня за руку:

— Пойдём, сначала позавтракаем, а потом я отвезу тебя в академию.

Сун Чжэнь радостно согласился, и его шаги стали такими лёгкими, что он чуть не запрыгал, хотя и старался идти сдержанно, соблюдая приличия. Всё, что осталось от утренней сонливости, исчезло, и он чувствовал лишь инстинктивную привязанность к человеку, который вёл его за руку.

После завтрака они сели в карету и добрались до ворот академии, когда небо только начинало светлеть.

Студенты постепенно подходили, и тихие ворота академии начали оживать.

Минда поправила одежду Сун Чжэня и сказала:

— Иди, учись хорошо, не теряй времени.

Сун Чжэнь послушно кивнул, но перед тем как выйти из кареты, он вдруг вспомнил что-то и, волнуясь, вернулся:

— Мама, я забыл тебе кое-что сказать в последние дни.

Минда подумала, что, возможно, он не забыл, а просто не видел её. Она смягчила выражение лица и спросила:

— Что случилось? Говори.

Сун Чжэнь сжал губы, украдкой взглянул на неё и, увидев редкую мягкость в её глазах, набрался смелости:

— Перед выходными в академии была небольшая контрольная, и я... я написал её плохо. Мама, ты не будешь злиться?

Сун Чжэнь всегда знал, что Минда возлагает на него большие надежды, и он старался учиться усердно — не потому, что она плохо к нему относилась, а потому, что он чувствовал, что в её доброте чего-то не хватает. Он не понимал, чего именно, но инстинктивно хотел это восполнить, поэтому и старался угодить ей.

Минда увидела его робкий взгляд и не смогла рассердиться, только успокоила:

— Ничего страшного, это всего лишь одна контрольная. Если ты будешь стараться, ты обязательно справишься. Я подожду.

Сун Чжэнь, увидев, что она не сердится, облегчённо вздохнул и пообещал, что будет учиться усердно.

Они ещё немного поговорили, и Сун Чжэнь, взяв с собой книги, радостно направился к воротам академии. Даже когда он вышел из кареты, небо ещё не совсем рассвело, но ворота академии уже были заполнены студентами, возвращавшимися на занятия.

Кучер, увидев, что маленький хозяин ушёл, спросил:

— Ваше высочество, мы возвращаемся в резиденцию?

Минда приоткрыла занавеску кареты и посмотрела наружу. Сун Чжэнь уже исчез из виду, но она ответила:

— Не спеши, подождём ещё.

Кучер, получив указание, замолчал, но сама Минда не совсем понимала, зачем она здесь ждёт. Её интересовал тот, кто сделал травяного кузнечика, и она хотела увидеть его, но не спросила об этом Сун Чжэня. Возможно, она могла бы легко узнать о том человеке, не вовлекая сына, но вместо этого она решила ждать у ворот академии, словно охотясь за кем-то.

Возможно ли это? Она даже не знала, как его зовут и как он выглядит.

Это казалось смешным, но Минда всё равно сделала это.

Она внимательно смотрела на студентов, проходящих мимо ворот, словно пытаясь найти среди этих незнакомых лиц что-то знакомое, хотя в глубине души понимала, что это невозможно.

Один за другим студенты проходили мимо, кто-то спешил, кто-то смеялся и шутил, но все лица были незнакомы. Лишь изредка она видела кого-то, кого когда-то встречала, но это были лишь дети чиновников, и внимание принцессы не задерживалось на них.

Наконец, небо начало светлеть, и у ворот академии оставалось всё меньше студентов.

Внезапно в поле зрения Минда попала стройная фигура. Возможно, опоздавший студент спешил, делая три шага за один, чтобы добраться до ворот. Его движения были быстрыми, но в них чувствовалась лёгкая уверенность... По какой-то причине этот совершенно незнакомый силуэт казался ей странно знакомым.

Минда мгновенно выпрямилась, её белая рука легла на окно кареты, и в её глазах мелькнуло нетерпение.

Человек, стоящий напротив, уже собирался войти в ворота, но, словно почувствовав чей-то взгляд, внезапно обернулся. Минда увидела его лицо — такое же незнакомое, как и его силуэт, но в его выражении было что-то неуловимо знакомое.

Тан Чжао добралась до академии с опозданием. Не потому, что вышла поздно, а из-за непредвиденной задержки в пути. К тому времени, как она подошла к воротам академии, небо уже полностью рассвело, и у ворот почти никого не осталось.

Академия славится строгой дисциплиной, и за опоздания наказывают, особенно таких пунктуальных, как Тан Чжао.

Сойдя с кареты, она поспешила к воротам, но, уже собираясь войти, почувствовала что-то и обернулась. Это было не просто так — её инстинкты, выработанные годами тренировок, подсказали ей, что за ней кто-то наблюдает. Она огляделась, но никого не увидела, только заметила карету на противоположной стороне дороги.

Эту карету она знала — видела её у ворот академии дважды, когда забирала Сун Чжэня. Это

была карета из резиденции принцессы.

Очевидно, она привезла Сун Чжэня, но почему она всё ещё здесь, хотя он уже давно ушёл?

Вспомнив о том, что кто-то за ней наблюдал, Тан Чжао вдруг подумала о смелой догадке. Это предположение заставило её остановиться, хотя она уже собиралась войти в ворота. Может быть, в карете всё ещё кто-то был? Может быть, это была сама Минда?

Это была всего лишь догадка, но сердце Тан Чжао забилось чаще. Она едва сдерживала желание обернуться и подойти, даже если бы в карете оказался не тот человек, или если бы её уже не узнали.

Она уже собиралась повернуться, когда из академии раздался глухой звон колокола — сигнал к началу утренних занятий. Ученики должны были спешить в классы, где их ждали учителя. Через полчаса начинался урок, и опоздавшие наказывались.

Честно говоря, за полчаса добраться от ворот до классов можно было только бегом, и Тан Чжао, учитывая её состояние, точно не успела бы. Звон колокола вернул её к реальности.

<http://bllate.org/book/15453/1370938>